

Рина
БЕЖ

Зачем я тебе,
МАЛЬЧИК?

Рина Беж

Зачем я тебе, мальчик?

<https://litres.ru/74206818>

Аннотация

♥#Мерзко. Потряхивает. Но отступить не могу... Мне нужен этот последний шаг, чтобы убедиться. Чтобы поставить в памяти жирный штамп о предательстве мужчины, которому я доверяла. Чтобы развязать себе руки... от обещания, когда-то данного отцу: до последнего верить мужу и пытаться беречь отношения. – Аня... – Горин заставляет обернуться. – Давай уйдем. Парень пытается меня утянуть, а я ног не чувствую. – Он – мой муж. Она – твоя девушка... Как же так? – голоса почти нет, когда я задаю вопрос. –Зачем, Денис? Как они могут? – Моя девушка, Аня, меня никогда не предаст.

♥# Будет: - измена мужа. Чтоб ему пусто было! - герой младше героини. Но разве ж это недостаток? - интриги, рейдерство, выяснения отношений и обязательно ХЭ. ✓# ОДНОТОМНИК
✓# "Сделка-Only" (1-я книга цикла)

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	48
Глава 6	55
Глава 7	63
Глава 8	72
Глава 9	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Пролог

Сообщение из банка о блокировке корпоративного счета сваливается, как снег на голову. Несмотря на то, что на улице май месяц и теплынь, по спине тотчас проносится пугливое стадо отвратительных мурашек.

Бр-ррр!

Чтоб их!

Минус двести тысяч нервных клеток за минуту.

Гадство!

Больше всего в этой жизни ненавижу две вещи. Это сообщения из банка с «сюрпризами» и требования из ИФНС, прилетающие на Вайбер, с их неизменным: «У вас есть шесть дней, чтобы замолить свои грехи... иначе мы идем к вам».

Увидев ближайший разворот, перестраиваюсь в левый крайний ряд и включаю поворотник. Попутно, ожидая разрешающую зеленую стрелочку, набираю Семёна. Кто у нас финансовый директор, в конце концов, и должен решать все проблемы?

Но муж, зараза, как специально не берет трубку. Ни на первый вызов. Ни на второй. Ни на...

Третий дает результат. Заунывные длинные гудки затихают и... набираю в легкие воздуха, чтобы прояснить ситуацию по заморозке счета, как...

– Але-ё-ё, секретарь Ева, – мурлыкает в трубку голосовой

ассистент, – слушаю...

– Да чтоб тебя!

Скидываю вызов, чтобы не послать куда подальше виртуального секретаря, разработанного «Мегафоном» и внедренного для записи разговоров, если абонент вне зоны действия сети или занят, а вместе с ней и Кобаля.

Сколько раз говорила Семену, чтобы отключил эту гадость-автоответчик. Бесит, когда ждешь услышать мужской голос, а в ухо дышит томная кукла, как будто ее только что...

Припарковав Эвок рядом с автомобилем благоверного, глушу мотор и выпрыгиваю из салона.

После прохлады, создаваемой кондиционером, в жарком воздухе улицы дышится с трудом. Будто на голову пуховое одеяло накидывают и попутно все щели затыкают.

Включаю сигнализацию и, вбивая каблуки в свежий асфальт, держу направление в сторону огромных двустворчатых дверей шестиэтажного бизнес-центра. Именно там располагается фирма, которая год назад досталась мне в наследство от отца, когда он скоропостижно скончался.

– Анна Сергеевна, что-то забыли? Решили вернуться? – Юрий Васильевич, охранник на входе, делает пару шагов навстречу, держа руки сцепленными за спиной.

Ни дать, ни взять, пингвинчик. Такой же напыщенно важный, неторопливый и с пузиком.

– Всё, как обычно. Неожиданно свалилось срочное дело, – отмахиваюсь, не спеша вдаваться в подробности.

Сухову это не надо, а беседу он со всеми поддерживает, явно скучая, когда надоедает разгадывать кроссворды.

— Семён Семёнович на месте, — летит в спину, хотя я и так об этом в курсе. Свою четырехколесную любимицу ярко-красного цвета парковала рядом с его черной Ауди. — К нему с полчаса назад Савина поднималась. Студентка-практикантка ваша.

Вскидываю левую руку, проверяя время, и убеждаюсь, что права. На часах почти половина шестого вечера.

Странно.

Может, чего забыла?

Рабочий день у всех заканчивается в пять, а в пятницу на полчаса раньше. У студентов-дипломников так и вообще до обеда, если не брать в расчет плавающий график. Их троих мой супруг, преподающий экономику в университете, привел к нам на фирму в конце зимы. Выбрал, как обычно, на потоке самых перспективных, чтобы проблем с защитой работы не было.

И, думаю, не будет. Сёма постарается, своих натаскает, а после в обиду не даст.

Пока топчусь, ожидая медленно ползущий с шестого этажа лифт, слышу тихие шаги за спиной, а затем голос, который четыре месяца не дает покоя. Настолько он сказочно-красивый. Чарующий. Глубокий. Мягкий. С нотами завораживающей хрипотцы.

— Добрый вечер, Анна...

По привычке перехватывает дыхание, а вдоль позвоночника пробегает теплая волна. Застываю, стараясь сохранить невозмутимость. Ох уж этот голос... сводящий с ума.

Любая дрогнет. И я – не исключение.

– Сергеевна, – добавляю, сдерживая желание обернуться.

Нельзя. Неправильно.

Всячески демонстрирую, что наблюдать за сменой цифр на табло куда интересней, чем оборачиваться к красавцу-брюнету.

Да, да, да, Громова. Ты всё ещё замужем, пусть и формально разведена. Но, главное, что ты взрослая тетка, которой через пару лет грозит тридцатник.

Занимаюсь самовнушением и самовоспитанием.

А Горин – студент, который пишет диплом у твоего мужа. Совсем молоденький студент, который, к слову, встречается с...

– Рабочее время позади, Анна... Сергеевна. Мы одни, расслабься.

Горячее дыхание касается макушки.

Пробирает до костей.

– Денис Александрович, – произношу, сжав зубы. – Не перегибай.

Игнорировать очередную совсем не завуалированную подначку, которыми он непрестанно держит меня в тонусе, с каждым днем становится сложнее.

Он, как танк, прет вперед, не замечая препятствий. А я

теряюсь, потому что реакция организма на этого мальчика слишком острая.

– Перегибаю я иначе. Уверен, тебе понравится.

Чё-о-о-орт!

Откуда ж ты такой неугомонный взялся?

– Еще скажи, никто не жаловался, – ляпаю и тут же прикусываю язык.

Сама не понимаю, как позволяю ему втянуть себя в разговор.

– Тебя действительно интересует ответ?

Не в бровь, а в глаз, Дениска.

Сжимаю кулаки, а внутри царапает...

– Я так понимаю, ты поднимаешься, чтобы свою девушку забрать? – вспоминаю о том, что подобно холодному душу быстро ставит мозги на место. – Вот и не отвлекайся от важной миссии.

– Девушку? – Горин не скрывает удивления. – Нет, забыл подписной бланк, который нужно сдать секретарю. Вот решил вернуться, чтобы завтра не мотаться через полгорода по пробкам.

– Ясно, – киваю, заходя в распахнувший створки лифт.

Всеми органами чувств ощущаю, как он следует по пятам и останавливается прямо за спиной.

Слишком близко. Непозволительно.

Чувствую его дыхание, ловлю мурашки.

– Савина тоже здесь, – ставлю в известность.

– Хм, интересно.

На этом все.

Лифт мчит вверх. А мы молчим.

Пытаюсь заставить себя размышлять о насущных проблемах: косяке Кобаля и блокировке счетов банком. О чем угодно, но не о странном душевном раздрае, возникающем каждый раз в присутствии наглого молодого человека.

О чем думает студент...

Почти без разницы. Главное, дает передышку и не сводит с ума своим чарующим голосом.

– В кабинете Эли нет, – раздается в спину, когда я, минуя холл, начинаю удаляться по пустому коридору в сторону кабинета Семёна.

Ну да, дверь в отсек, который выделили дипломникам, находится практически у лифта. Далеко бродить не надо.

– Может, ушла по лестнице, – кидаю предположение, обернувшись на секунду.

Встречаюсь с серо-голубыми глазами и медленно сглатываю. Вот это взгляд, тяжелый, как стопудовая гиря. Прямой. Уверенный. Будто из нас двоих именно он – хозяин положения.

Интерес мужчины к женщине или наоборот, женщины к мужчине, зачастую ощущается на уровне инстинктов. Человек может не проявлять его ни словами, ни позой, ни жестами. Достаточно взгляда, и все становится понятным как дважды два.

Так вот я отчетливо улавливаю интерес Горина.

Кожу обдаёт кипятком. Отступаю спиной на шаг и...

Резко поворачиваюсь в сторону приемной, оттуда из-за неплотно прикрытой двери раздается тихий женский смех.

– Сё-о-о-омочка, да ты – шалу-у-ун.

Голос Савиной узнаю почти мгновенно. Её любовь к растягиванию гласных и томность давно стала среди коллег пищей для шуток. Но сейчас идет явный перебор. Или...

– О-о-оооxxxx... да-а-ааa...

Новый возглас бьет по барабанным перепонкам.

Как во сне, протягиваю ладонь вперед, толкаю дверь. Она распахивается бесшумно и приглашающе. Захожу в пустую приемную. Не осматриваюсь, тут и так все известно до мелочей. Внимание концентрируется на двери в кабинет коммерческого директора. Кобаля Семёна Семёновича. Моего...

– Ми-и-илый...

Стонет сирена под звуки, которые никто и никогда ни с чем не перепутает – ритмичные шлепки голых тел друг о друга.

Я не вижу картинки. Застываю, не доходя, но в груди уже разрастается колючий ком. И в голове один и тот же вопрос крутится: «Сколько студенток сдавали зачеты и экзамены таким же образом?»

Мерзко.

Потряхивает.

Но уйти не могу...

Мне нужен этот последний шаг, чтобы убедиться. Чтобы поставить в памяти жирный штамп о предательстве мужчины, которому я доверяла.

Чтобы развязать себе руки... от обещания, когда-то данного отцу: до последнего верить мужу и пытаться сберечь отношения.

Делаю. И смотрю.

Никакой ошибки.

Увлеченные любовники входят в раж, ничего и никого не слыша, не чувствуя чужих взглядов, которые за ними наблюдают. Поглощенные друг другом они даже стонут в унисон, быстрее и быстрее раскачивая мебель.

Отшатываюсь. Достаточно с меня грязи.

И в этот же момент на плечи опускаются горячие ладони.

– Аня... – голос Горина, про которого с таким-то сюрпризом от мужа забываю, заставляет обернуться. – Давай уйдем.

Парень пытается меня утянуть, а я ног не чувствую.

– Она же – твоя девушка, – голоса почти нет, когда я задаю вопрос. – Как же так? Зачем? Как они могут?

Смотрю в серо-голубые глаза и не понимаю, что в них кипит. Злость, решимость, ненависть?

Или уверенность, когда он произносит:

– Моя девушка, Аня, меня никогда не предаст.

*Стартуем?!))
 История Анюты Громовой, покорившей сердце Дениса Горина из книги "Сделка-Only".*

Глава 1

За 4 месяца до...

– Нюсечка, нам нужно развестись.

Забываю, что нужно жевать, и с трудом проталкиваю в горло кусок курицы, который только положила в рот.

– Прости. Что?

Медленно откладывая столовые приборы и поднимаю взгляд на Кобалю.

Сорвавшаяся с губ мужа глупость приводит в замешательство. Сильное и настолько неожиданное, что пропускаю момент, когда моё имя извращают до полного неприличия.

Хотя, нет, не пропускаю.

Нюсечка.

Царапает по нервам.

Очаровательно!

Громова Нюсечка – генеральный диктор «ЭкоСтройДизайн», у кого в подчинении больше сотни сотрудников и несколько крупных объектов по госзаказу, не считая загородного строительства.

Нет, меня не прёт от собственной значимости, но и скатываться к определению: «Нюрка, которая коров пасёт» – желания не возникает. Самоуважение, простите, не пустой звук.

– Несмешная шутка, Сёмушка, – произношу ровно, имея

ввиду предложение о расторжении брака.

Имя благоверного, естественно, коверкаю с умыслом. Отмечаю дернувшуюся в недовольстве щеку и прячу ехидную ухмылку.

А не надо обижать.

Тем более, муж в курсе, как меня это раздражает. Говорила и просила не один раз, а сотню минимум. Фигово с памятью? Буду отучать по-другому.

– Так и скажи, что забыл купить подарок к рождеству, – растягиваю губы в улыбке и тянусь к стакану с соком. – Честное слово, не обижусь. Уже привыкла.

За почти три года совместной жизни успела убедиться, что Семён Семёнович Кобаль – не тот мужчина, кто собственноручно покупает подарки на Новый год, дни рождения или цветы к восьмому марта.

Для этого у него есть секретарь Ольга Павловна. Ответственная и исполнительная. Но, к сожалению, редко, но метко болеющая. Впрочем, как и все нормальные люди. В минувшем декабре её свалил коронавирус. Чернакова до сих пор лежит в стационаре. Отсюда... да-да-да, милых радостей я не жду.

– Забыл, Нюсе... Анюта, – быстро исправляется Кобаль, перехватив мой прищуренный взгляд. – Прости. Исправлюсь.

Врёт и не краснеет, глядя в глаза. Так он тоже умеет. Потому что и я, и он знаем, что это у него врожденное качество.

Именуемое пофигизмом. Меняться он не станет. Зачем, если всё устраивает его самого?

— А по поводу развода — нет. Не шучу, — добавляет и тянется вперед, накрывает мою сжатую в кулак руку своей и поглаживает. — Но между нами это ничего не изменит, клянусь. Просто так будет лучше.

— Для кого?

Накрывает чувство дежавю.

Примерно три года назад мы сидели вдвоем с папой за этим же столом, так же ужинали, обсуждали планы на новый год и рождество. После чего он огорошил новостью, что мне не стоит тянуть с решением по поводу брака с Семёном, сыном его старого друга Семёна Сергеевича Кобаля, и будет совсем идеально, если датой назначим четырнадцатое февраля.

Тогда я тоже спросила: «Идеально для кого?»

Вопрос, к слову, являлся не праздным. Мне действительно было интересно услышать мнение отца.

К тому моменту я три месяца как переживала разрыв с молодым человеком, который стал не то чтобы любовью всей жизни, но в душе за год отношений потоптаться успел, а затем в ней же нагадить. Навешал лапши на уши, что переезжает на ПМЖ в другой город, потому что матери не подходит сырой питерский климат, а сам мало того, что остался, так еще и с девчонкой, живущей в соседнем подъезде, роман закрутил. Заделал ей ребенка и через два месяца женился.

Кобаль в то время был для меня никем. Сыном папиного друга. Неплохим знакомым, с которым по просьбе старшего родственника я время от времени проводила выходные вне дома: ездила на экскурсии, ходила в театр или клуб, отдыхала на природе. Но не возлюбленным, не «моим парнем» точно.

Старше на пять лет. Симпатичный, но слегка надменный, с неплохим чувством юмора. Самодостаточный молодой мужчина, знающий себе цену и понимающий, чего хочет от жизни. Я рядом с ним не чувствовала себя вчерашней школьницей, не летала в облаках, не строила замки на песке, но надежно стояла на ногах. Что, впрочем, меня полностью устраивало.

После предателя-Виталика никаких амурных приключений и взлетов-падений совсем не хотелось.

Папа тогда на вопрос ответил подробно. Объяснил, что от нашего с Кобалем брака выиграют все, но прежде всего я сама. Отец сможет выдохнуть и заняться собственным здоровьем, которое заметно ухудшилось. Семён воплотит в жизнь многие амбиции и станет не просто преподавателем в ВУЗе, но и, войдя в семейный бизнес, раскроет свой потенциал финансового гения. Я же приобрету в лице мужа надежную опору, чем защищу себя от разных альфонсов, а еще друга, советчика и соратника.

– А что касается любви... так это не главное. Есть общие интересы, симпатия и совместное дело – для начала этого

больше, чем достаточно. Остальное же – в ваших руках.

Не знаю, как бы отреагировала, не будь того сердечного раздрая с Виталиком. Скорее всего, отказала. Но папа выбрал удачный момент, его слова упали на благодатную почву.

«Никому ненужная и преданная», как называла себя про себя, я уцепилась за предложение и постепенно одобрила его в душе. Когда же из приятельских отношений Семён предложил перейти в более близкие, дала мужчине зеленый свет.

Свадьба состоялась в день, который предлагал папа.

Я очень хотела его порадовать. Тем более, через неделю после росписи ему ставили плановую операцию, и любые стрессы шли не на пользу. Да и что кривить душой... пусть в Семёна к тому времени я если не влюбилась, то место в сердце он точно застолбил, за пару месяцев сумев доказать, что стоит доверия.

За все три года супружеской жизни я ни разу не пожалела о своем решении.

Да, сердце не колошматило набатом в груди, когда Сёма меня целовал, кровь не кипела, голова не отключалась. Я не проваливалась в эйфорию после трех оргазмов подряд, но была вполне счастлива тем, что имею.

Я научилась любить и ценить своего мужа тихой и спокойной любовью. Без взлетов и падений. Без ревности и битья посуды. Без выяснения отношений, криков, скандалов и упреков. Научилась подстраиваться под него, доверять ему решение основных вопросов и делать нашу жизнь комфорт-

ной. При этом никогда не ломала себя, не прогибалась против желания. Всегда находила рациональное зерно во всех его начинаниях.

В последние месяцы даже в сторону детишек начала по-смаживать, раздумывая, чтобы предложить мужу отказаться от контрацептивов. А почему нет? Мы же не молодеем.

И вот теперь его «давай разведемся».

– Для кого лучше, Сём? – повторяю вопрос, заданный когда-то папе.

Любимому папе, которого, к сожалению, больше со мной нет. Инфаркт унес его жизнь восемь месяцев назад. Врачи ничего не смогли сделать.

Трагедия для нашей маленькой семьи. Для меня – мощнейший удар, который только недавно стал потихоньку отпускать сжатое в тиски сердце.

И вот сюрприз от мужа.

Сногсшибательный.

Хорошо, что сижу.

– Анют, ты же знаешь, как я давно хотел выбраться за границу. Пообщаться с иностранными коллегами, перевестись на годик в Мичиган, чтобы попробовать преподавать там. Мне здесь тесно, понимаешь. Я узнавал, при рассмотрении заявок у свободных специалистов больше шансов. В процентах – семьдесят на тридцать. Анюточка, родная, это действительно ничего между нами не изменит, – пока говорит, Семён не отпускает мои руки, продолжая их поглаживать. – И

тебе так будет лучше.

– Мне?

Брови сами собой взлетают вверх.

– Конечно, – отвечает уверенно.

Тихо, но твердо.

Будто заранее готовился, предположив все возможные вопросы и подготовив на них убедительные ответы.

– Тебе, Анна Сергеевна, совсем скоро вступать в наследство. Ты же помнишь? И это не только квартира, загородный дом, машина и прочая мелочь. Главное, фирма.

– Конечно, помню.

Киваю, хотя логики по-прежнему не улавливаю.

– И всё же...

– Поверь, – качает головой, заставляя дослушать, – находясь в разводе, у тебя будет значительно меньше проблем. Никаких доверенностей от меня, как супруга, никакой лишней бумажной волокиты. Всё, что нажил непосильным трудом твой отец, будет принадлежать исключительно тебе. Понимаешь?

Что-то царапает на подкорке, когда Кобаль произносит «...нажил непосильным трудом...», но я отмахиваюсь, пытаясь донести до супруга другое.

– Но мы...

– Я так хочу, – перебивает, не позволяя озвучить возражения. – Поверь, это идеальное решение. Ты мне за него еще спасибо скажешь.

Глава 2

Прекрасно зная мой характер, Семён больше не затрагивает скользкую тему, а занимает выжидательную позицию. Знает, что это самый верный вариант.

По натуре я мягкая и уступчивая, но только в том случае, если сама принимаю решение. Если же на меня давят, заставляя прогибаться против воли, – упираюсь рогом и делаю наоборот. Настоящий чёрт в юбке.

В этот раз я застреваю на распутье.

Впервые доводы супруга идут в разрез с внутренними убеждениями. И его громкие слова о том, что еще буду благодарна за такой странный маневр с семейным положением, не находят душевного отклика.

Даже белые тюльпаны, которые обожаю, доставленные курьером на следующее утро, очаровывают, но как-то бледно, если можно так выразиться. Радость, присыпанная пудрой сомнений. Словно чистое сверкающее счастье подают на неидеально вымытом блюдечке с местами смазанной золотой каёмочкой.

А может виной всему небольшой казус, который выходит случайно?

– Сём, спасибо за цветы, – посылаю воздушный поцелуй супругу, завернув на минутку в его рабочий кабинет. – Они очаровательны.

Коробку с презентом при этом прижимаю к груди, как обожаемое чадо.

Как-никак цветы. Чистота, хрупкость, нежность.

– Всегда рад стараться для моей любимой девочки, – получаю в ответ вместе с мимолетным взглядом, нехотя оторванным от ноутбука.

– Выбрал самые любимые, – подмигиваю, – даже с оттенком угадал.

– Анют, красный – это цвет любви, разве ж можно в нем ошибаться?

«Наверное, нет», – усмехаюсь уже в кухне, наполняя вишневого цвета вазу водой и следом белоснежными бутонами на мясистых стеблях.

Расстраиваюсь ли я, что подарок мужа организует его секретарь?

Нет, несколько.

Он же потруился ей об этом сказать. Значит, приложил руку.

Лукавлю?

Естественно. Но разве бывают идеальные люди?

Не смешите богов.

Так проходят длинные новогодние выходные, наступает и почти завершается рабочая неделя. Кобаль продолжает молчать, но время от времени ловлю на себе его задумчивые взгляды. Не комментирую и всё также держу позицию страуса... пока в четверг не проявляется Жанка.

Моя обожаемая Жанетт. Подружка юности суровой. Человек, много раз за прошедшие годы доказавший, что дружба женская бывает.

Да-да, хотите верьте, хотите нет.

– Нюша, завтра на вечер ничего не планируй. Идем в отрыв, – вместо «здрости» заявляет Рыкова.

Только этой жгуче-рыжей бестии с зелеными глазами позволено называть меня так непритязательно, потому что... да много почему. Огонь, воду и медные трубы университетских лет никто не отменял.

– И тебе привет, – фыркаю в трубку, отодвигая подальше договор с новым поставщиком, который уже прошел юридическую проверку и получил согласование у супруга, а меня чем-то зацепил. – Когда прилетела, красотка? Я тебя, если честно, раньше февраля в нашей стуже не ждала.

– Полчаса назад, – отчитывается подружка, на секунду замолкает, затем диктует свой адрес, явно обращаясь к кому-то рядом с собой, а после радуется, не скрывая ехидных ноток в голосе. – Сегодня так и быть отсыпаясь и даю тебе сутки, чтобы «порадовать» Сём Сёмыча, что исчадие ада в моем лице воскресло.

– Жане-е-етт, – тяну, прикрывая на секунду глаза, и откидываюсь в кресле.

Хочется засмеяться шутке, вот только...

– Ой, да ладно, Нюш, твоему благоверному ледяному истукану можно рот не открывать. Когда он видит меня, всё

крупными буквами читается у него на лбу.

Тут Рыкова абсолютно права. Эти двое реально не контактируют. Никак. У кошки с собакой больше шансов жить дружно.

Кобаль раздражает Жанку излишней педантичностью, снобизмом и консерватизмом, в которые, по ее мнению, затягивает меня, душа на корню мой индивидуализм и самостоятельность. А та его бесит свободолобием, беспощадным цинизмом и независимостью. Ах да, еще острым языком, бойким характером и тем, что разжигает во мне дух бунтарства.

Уж не знаю, с чего он это взял, но с момента, как год назад Рыкова выпихнула из своей жизни мурло по имени Валера и вернулась в свободное плаванье, фонтанируя идеями в попытках отвлечься от горестных дум, Семён не находит покоя, если речь заходит о моей драгоценной рыжухе... и наших посиделках.

Корежит бедного до посинения.

– Может... у меня потусуемся?

Закидываю удочку, зная, что Кобаля невероятно бесит моё отсутствие дома.

Ревнивец или просто собственник, но жена должна быть под боком двадцать четыре на семь. И никак иначе.

– Ты хотела сказать: у вас с Сём Сёмычем? Шутишь? – хохмит мисс язвочка. – Да у меня лимон поперек горла встанет, если он решит случайно заскочить на девичий огонек.

– Он не будет мешать, – говорю и сама же кривлюсь.

Маловероятный сценарий, если подумать. Очень и очень маловероятный. Жанка в отрыв тихо ходить не умеет, ей музыку подавай и погромче. А Сёме тишину.

М-да, не вариант.

– Глупость глаголишь, Громова, – смеется подружка.

– Ага, – соглашаюсь, прикусывая губу.

Пятая точка заранее предчувствует, что семейный вечер томным не будет. Однозначно. Уговаривать придется долго, а затем еще недели две после него терпеть подколки и обидчивые взгляды.

Но тут на ум приходит «интересное» предложение супруга о разводе, и я решаюсь.

– Выбирай место, Жаннусь. Я согласна.

– Сём, Жанна прилетела, – произношу, не оборачиваясь от кухонного островка, где занимаюсь приготовлением чая.

После работы домой получается вернуться вместе с мужем. Кому-то – ну и что в этом такого? А для меня – почти чудо. Дорогой супруг настолько трудоголик, что зачастую остается в офисе до позднего вечера, разгребая то, до чего не доходят руки днем. Говорит, что любит тишину и успевает сделать в два раза больше нужного, когда никто не шумит и не отвлекает.

Давно удивляюсь этому феномену. Как в одном человеке

могут уживаться такие противоположные качества: бьющая ключом преподавательская деятельность и любовь к тишине в офисе. Впрочем, наверное, точно также, как мягкость в повседневной жизни и доминантность в интиме.

Образовавшаяся за спиной тишина заставляет отвлечься от нарезки лимона и обернуться. Взгляд, который ловлю на себе красноречив. Никакой расслабленности после сытного ужина в теле мужа нет и в помине. Челюсти сжаты, глаза прищурены.

Напряжен сам и вокруг распространяет аналогичные флюиды, заставляя воздух густеть и искриться.

Ну да, какие уж тут гости. Семён только о Рыковой услышал, а уже весь звенящей струной натянулся.

– И-и?

Вот как можно задать вопрос одной буквой алфавита, да так, что у меня мурашки по спине решают потоптаться. И не скажешь, что рычит. Спрашивает ровно. Так ровно, что бр-р-р-р...

– Мы завтра хотим...

– Нет!

Категорично.

Но именно такой первой реакции я и ожидаю. Говорю же, нелюбовь у супруга с подругой.

– Я не договорила, – произношу спокойно.

Конфликтовать совершенно не хочется, да и повода как такового для него нет. Рыкова – почти сестра. Как бы не бе-

сился, Семен это понимает. Надеюсь, что понимает.

– Мы с Жанетт не виделись несколько месяцев, – захожу издалека, подхватываю обе чашки и направляюсь к столу. – Общение по видеосвязи, конечно, хорошо, но этого мало. Я хочу живого разговора.

– А я с тобой не разговариваю?

В этом весь Семён.

– У нас будет девичник.

– Еще скажи, что будете обсуждать депиляцию, тампоны и маски для лица, – произносит, кривя красивые губы.

– Почему нет, – пожимаю плечом и подмигиваю, – после того, как перемоем кости мужьям и любовникам, непременно.

Последнее добавляю специально. Знаю, что провоцирую. И получается.

Глаза мужа загораются.

– Любовников?

– Конечно. Интересно же...

Не дает договорить. Шагает ко мне, обхватывает руками и начинает целовать. Без нежности и ласки, а наоборот, жестко, тяжело, изматывающе, на душевном надрыве. Затягивая в болезненный омут возбуждения. Перекрывая кислород и ломая сопротивление, когда я хочу отклониться и сделать вдох.

Меня накрывает постепенно, но основательно. Слова и мысли становятся лишними и ненужными. Тело загорается

и требует того, что заложено природой. Руки сами обвивают крепкую мужскую шею, сердце ускоряет ритм от нахлынувшего возбуждения, кожа превращается в сверхчувствительный шёлк...

Каждая женщина прекрасно знает, что такое «привязанность к партнеру через секс». Если мужчина привлекает, это действует как зависимость. Привыкание, когда нет возможности очнуться, когда с каждой секундой теряешься сильнее и сильнее.

Глотнуть так необходимый воздух получается только тогда, когда Семён расстегивает мои джинсы и начинает стягивать вниз все сразу: штаны, колготы, нижнее белье...

– Нет, погоди.

– Тихо, – предупреждает, закрывая ладонью мой рот.

Второй рукой расстегивает ремень, освобождаясь, но, не раздеваясь при этом. А потом подхватывает меня и переносит на диван. Поворачивает, нажимает на спину, заставляя наклониться вперед и прислониться грудью к подушке, помогает завести руки за спину и, удерживая запястья в одном захвате, второй рукой бьет по попе.

Звонко, больно.

– Я тебе покажу любовников, – произносит хрипло.

Охаю, а через секунду ловлю собственный резкий выдох с безотчетным вскриком. И затем еще один и еще. Разгоряченный Кобаль, не щадя, входит единым слитным движением и без паузы набирает быстрый темп.

«Перестаралась», – эта мысль появляется и исчезает в мгновение ока, заглушенная откровенным мужским рычанием...

В «Карамболь» меня муж отпускает. При этом самодовольно улыбается, когда я чуть кривлюсь, потирая пятую точку.

Скажу сразу. Одним шлепком Семён за вчерашний вечер не обошелся. Да и не только одним шлепком, но и...

В общем, не помню, когда его в последний раз настолько остро плющило, чтобы он терял самообладание и не контролировал собственную силу и мощь.

Глава 3

С Жанной договариваемся на восемь вечера. Собираюсь немного заранее, но так, чтобы дорогой супруг не предъявил претензий. То есть, без юбки.

Черные джоггеры карго, белая футболка, поверх нее легкий пиджак в клетку и ботильоны на шпильке. Сверху, естественно, дубленка, зиму никто не отменял.

– Надеюсь, вернешься не под утро? – уточняет Семён, пока я отвлекаюсь на входящую смс.

– Не под утро, обещаю, – подтверждаю покладисто, пробегая глазами текст и тут же его смахивая.

– Что, твоя непутевая строчит? Уже не терпится ей вырвать тебя из лап любимого мужа?

– Сём, она не такая ужасная, как ты пытаешься ее изобразить, – подхожу к Кобалю, обнимаю за талию и потираюсь носом о грудь. – Дай ей шанс себя проявить. Жанетт отличная подруга, поверь.

Поднимаю подбородок и заглядываю в недовольно прищуренные глаза.

– Аня, её поведение уже говорит об обратном, – упрямится Семён, – в ее возрасте давно пора определиться и осесть на одном месте, а не порхать по городам и странам, как бабочка-однодневка...

– Не ворчи, у нее работа такая. Всё, побежала, люблю те-

бя, – привстав на носочки, дотягиваюсь и целую мужа в губы.

Подхватываю клатч с мини-дивана в прихожей и выскальзываю за дверь.

Нечего медлить, иначе тихое ворчание быстро перейдет в громкое, а дальше. Нет, мне надо расслабиться, тут Рыкова права.

– Будь аккуратна за рулем, – летит в спину, когда я спускаюсь на пролет вниз.

– Обязательно, – машу рукой с зажатым в пальцах брелоком.

Боже, я действительно люблю мужа и стараюсь нормально воспринимать большинство его пунктиков с правилами и требованиями. Но порой заботы, именно в это слово он облакает свой тотальный контроль за моей жизнью, становится чересчур много. И она душит.

Забравшись в заранее прогретый салон, достаю из кармана телефон и повторно пробегаю глазами сообщение, пришедшее десять минут назад от Жанны.

«У Кристины нарисовались очередные мировые проблемы(((Еду к матери. Прости, солнце! Давай встретимся сразу в «Карамболе». Буду там к десяти»

Усмехаюсь. Всё, как всегда.

Не успела подруга прилететь, ее ненормальная семейка тут же активизировалась. Вновь будут давить на жалость и стараться прогнуть Жанну либо на деньги, либо на безвозмездную помощь сводной сестренке. И не стыдно же?!

Фактически Елена Рыкова выставила старшую дочь за дверь, как только той исполнилось восемнадцать, и забыла про нее, всю себя посвятив новому мужу и младшей дочери. А как первый муж умер, оставив Жанне в наследство квартиру и еще кое какие ценности, так проснулась, резко вспомнив про единство семьи, и уже десять лет не даёт той спокойно жить.

«Договорились»)) Покатаюсь по городу»

Приплюсовываю подмигивающий смайлик и отсылаю ответ, трогаясь с места.

К слову, сообщение от Рыковой успела обдумать, как только прочитала. Еще находясь дома. Семёну о смене планов не сказала намеренно. Зная его нрав, просчитать дальнейшее поведение не составило труда. На ночь глядя точно бы никуда не выпустил. А я уже собралась.

Да и ничего особо страшного не случилось. С удовольствием прокачусь по вечернему городу, проветрюсь и сменю надоевшую локацию «дом-работа-дом».

Нет, мы с Кобалем не совсем затворники. Иногда выбираемся в какое-нибудь новое место. Кафе или ресторан. Но это происходит очень редко и практически всегда вдвоем, а после смерти отца, кажется, не было ни разу.

Два часа в размерах Питера – не так чтобы слишком много, да и погодные условия вносят коррективы. Покупаю на заправке большой стакан кофе и не придумываю ничего лучше, как просто посидеть в машине и посмотреть на Неву, мо-

сты, иллюминацию, спешащие по делам авто.

Питер живет. Жизнь в нем кипит и переливается разноцветными огнями.

В салоне негромко играет музыка. Тепло, пахнет любимой «Пина-коладой». Отщелкиваю рычаг и опускаю спинку кресла ниже. Мысли в голове кружат ленивыми утками, не привлекая и не отвлекая.

Кому-то может показаться странным, что я решила поехать в клуб на собственной машине. Ведь планируется отрыв с подругой. То есть болтовня, танцы, веселье и горячительные напитки...

Всё это непременно будет. Ну, кроме последнего – для меня. Потому что, да, сегодня я за рулем, но несколько об этом не жалею. А еще точно знаю, что безалкогольный мохито ничем не уступает алкогольному, и хорошее настроение мы создаем себе сами, а не только веселые пузырьки в бокале.

Причина же моего поступка идет родом из юности. Не знаю, есть ли название у такой фобии, как боязнь ездить в такси, но сама фобия точно существует. У меня однозначно. После того, как двадцать лет назад мою маму похитил таксист, а затем с друзьями увез ее в лес, там несколько дней насиловал и после хладнокровно убил, я испытываю жуткий ужас, находясь в данном виде транспорта. Задыхаюсь.

Смаргиваю влажную пелену перед глазами, наваянную грустной мыслью, перещелкиваю магнитола на новую радиостанцию и прибавляю громкость. Достаяю телефон и, убедив-

шись, что до встречи остается двадцать минут, не торопясь, прокладываю маршрут следования.

«Вырвалась из этого ада. Еду. Скоро увидимся))»

Новая смс от Жанны вызывает улыбку.

«Супер! Жду встречи))»

Печатаю в ответ, ставлю пустой стакан в специальное углубление между сидениями, возвращаю спинку кресла на место, и, убедившись, что никому не мешаю, потихоньку выбираюсь на набережную.

С «зеленым» в этот вечер особо не везет, и мой Эвок по закону подлости собирает все красные светофоры, где надо и не надо. Впрочем, все равно успеваю раньше Рыковой. Она просит подождать десять минут, чтобы объехать аварию, и не идти внутрь без нее.

Даю добро и неторопливо заезжаю на спрятанную в торце здания парковку. Занимаю одно из двух свободных мест, приоткрываю немного окно, чтобы впустить свежего морозного воздуха, и выключаю радио, из-за чего приборная панель погружается в мрачную темноту.

Через несколько минут вокруг будет столько шума и света, что заранее хочется словить несколько мгновений тишины и покоя. Делаю один глубокий вдох, другой, берусь за ручку, чтобы выбраться, как вдруг...

Большой черный автомобиль с блестящими гляncем и металлическими продольными вставками боками, не просто паркуется рядом, а буквально влетает на соседнее место, за-

ставляя меня резко дернуться.

Чокнутый!

Мозги что ли дома забыл?

В голове мгновенно рисуется образ избалованного мажора, потому что зуб даю – *так* женщины точно не паркуются!

А вот избалованные засранцы... о да!

Адреналин огромной порцией впрыскивается в кровь, тело наэлектризовывается. Меня подрывает от желания выйти и высказать наглецу всё, что я думаю о наличии в его голове серого вещества и умении им пользоваться.

Куда в этот момент девается воспитанный, деликатный и совершенно неконфликтный человек, которым я являюсь двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю – не задумываюсь. Не успеваю.

Меня отвлекает и останавливает нарочито томный женский голос, раздающийся из открытого окна соседнего салона:

– Дэ-э-эн, ты обалдел, что ли, тут же камеры везде! Ну хватит... прекрати.

– Не кипишуй, Эль, мы аккуратно, – отвечает другой – низкий, завораживающий и точно мужской, – никто не увидит.

– Может, лучше после клуба к тебе поедem? Реально... я...

– Обязательно поедem, а сейчас не трать время. Ну же, иди сюда...

Кокетливый смех. Звон пряжки ремня.

Моя челюсть не плавно отваливается вниз, а ладонь, минутой ранее решительно вцепившаяся в дверную ручку, застывает.

Нет, он точно чокнутый!

Прямо здесь?! На освещенной парковке клуба? В такое время суток? Да еще посреди утыканной камерами территории?

Стараясь не слушать звуки, доносящиеся из соседнего внедорожника, медленно, словно парочка по соседству может увидеть, поднимая взгляд и слегка поворачивая влево, на красную точку, игриво помаргивающую с фонарного столба аккурат наискосок наших машин.

Света вполне достаточно, чтобы восседающему за монитором охраны наблюдателю было видно, что происходит в контролируемой зоне... и в авто. А еще ему видно, что я сижу и подслушиваю, чем они там занимаются...

Резко отдергиваю ладонь от дверной ручки и сжимаю пальцы в замок на коленях, а сама откидываюсь на спинку кресла и зажмуриваюсь.

Позор!

Хочется, как в детстве, поднять руки и спрятать в них лицо. Не вижу я, не видят меня. А толку? Дурацкая ситуация уже сложилась. И я – участница.

Надо было выходить сразу, а теперь уже поздно. Парочка определенно решит, что я намеренно притихла, потому что

их возня в дорогой тачке доставляет мне несказанное удовольствие.

... удовольствие?!

Потихоньку начинаю закипать.

Да она меня бесит!

Уже не только щеки горят, но и уши пылают. И неважно, что на улице конкретный минус и ветер поднялся. Мне жарко. Как и парочке, что увлеченно занимается друг другом.

Возникает мысль закрыть окно и оградить себя от соседствующего беспредела, но тут поджидает проблемка. Я заглушила мотор, и стеклоподъемники ушли в спячку. Чтобы их оживить, нужно запустить двигатель.

Остается одно – сидеть и ждать... а еще попутно мучительно краснеть, от осознания, *что* происходит в паре метров от меня.

Кошмар! Извращенцы они, а сквозь землю готова провалиться я. Испанский стыд!

Не то чтобы я была праведницей с нимбом над головой, но вот так, на улице, когда определенно точно кто-то может увидеть и уже увидел... М-да... опцию «совесть» в комплектацию этих двоих явно упаковать забыли.

Сколько длится по времени вакханалия, понятия не имею, но одно осознаю точно: на смену неловкости приходит глухое раздражение. И когда мне кажется, что натянутые до предела нервы вот-вот лопнут, случаются две вещи одновременно.

– М-м-ммм, детка, ты супер, – выдыхает протяжно парень, и снова звякает пряжка ремня.

Экран мобильного, лежащий на панели, ярко вспыхивает, и на весь салон раздается веселая мелодия, установленная на Жанну.

Пипец, приплыли.

Ощущая себя Штирлицем, провалившим миссию, ну да, раскрыли-то меня раньше времени, деревянной рукой дотягиваюсь до телефона и принимаю вызов.

– Ньюш, ну ты где, потеряшка? – раздается громкий голос Рыковой. – В пробке застряла? Я тут уже подмерзаю на крыльце.

– Не поверишь, я тебе даже завидую, – выдаю в ответ, чувствуя, как по спине скатывается жаркая волна.

Натягиваю на лицо маску невозмутимости, грациозно выпрямляю спину и нажимаю на кнопку запуска.

– Через минутку буду, – добавляю, закрывая окна.

Беру с соседнего кресла клатч и, одернув полы короткой белой дубленки, выхожу из любимого кроссовера.

Парочка эксбиционистов, наверняка обалдев от того, что у их шоу был VIP-зритель, не издает ни звука, зато Жанетт вещает только в путь:

– Наверное, в тик-токе зависала? Видосики смотрела, вот и забыла про меня. Скажи, было хоть что интересное посмотреть?

– Интересное посмотреть? – повторяю за подругой, обхо-

дя машину, оборачиваюсь, чтобы включить сигнализацию, и в этот момент пересекаюсь взглядом с прищуренными отнюдь не женскими глазами. – Не-а, фигню какую-то транслировали. На троечку, – добавляю, ощущая не утихающую злость, – по десятибалльной системе.

Глава 4

– Ань, предложение твоего Сёсёмы меня напрягает. Ты реально собираешься согласиться на развод?

– Угу.

– Та-а-ак. Давай-ка рассказывай, с чего такое решение? Он тебя обижает? Давит? Угрожает?

Рыкова отодвигает в сторону бокал с коктейлем и наклоняется вперед, прищуривая зеленые глаза.

Ух, какая грозная. Улыбаюсь. Дай Жанетт команду, по-рвет она моего благоверного на маленьких Семёнов, как Тузик грелку.

– Нет, Жанн, – отрешиваюсь от нелепых предположений, – всё иначе. Он меня любит, холит и лелеет. Видишь же, даже сходить на девичник в клуб дал разрешение и не называет... – перевожу взгляд на наручные часы, – целых три с половиной часа.

– Нюша, мы здесь только полтора.

Отмахивается. Закидывает ногу на ногу, отчего платье плавно соскальзывает вверх, обнажая не только коленку, но и стройное бедро.

Сбоку раздается довольный свист. И предложение угостить коктейлем, произнесенное слегка заплетающимся языком с проглатыванием нескольких согласных.

По давней привычке не реагируем.

– Ага, только я в восемь из дома уехала, – напоминаю подруге, – и, кстати, очень рада, что так сделала. Порой хочется просто поколесить по городу, не ради цели, а чтобы развеяться и послушать музыку. Дома – это совсем не то. Согласись?

– Соглашаюсь, но ты тему-то не меняй, – качает указательным пальчиком у меня перед носом. – Рассказывай, какие причинно-следственные связи нарисовались в твоей буйной головушке, что ты решила идти на поводу твоего сноба?

– Буйная головушка – это у нас ты, – смеюсь в голос, игнорируя шпильку в адрес супруга, тем более, что она оправдана, и, потянувшись, легонько дергаю за рыжий выующийся локон. – Я – всего лишь гладкошерстная блондинка.

Подмигиваю и резко поворачиваю голову влево. Чувство зуда от постороннего прямого внимания в течение последнего получаса не дает покоя. Берedit и берedit.

Скольжу взглядом вдоль барной стойки, недалеко от которой мы расположились, перевожу на танцпол, пробегаю по нескольким столикам и сталкиваюсь с... любителем зажигать в машине под надзором видеокамер.

То, что это он – нет никаких сомнений. Тот же острый взгляд, который я видела всего пару мгновений, но в памяти зачем-то зафиксировала. Та же еле обозначенная ухмылка мажора-пофигиста. Та же расслабленная поза.

Самоуверенный бабуин!

– Ньюш, ты чего зависла? – подруга щелкает пальцами у

меня перед носом. – Я всё еще жажду услышать твои мысли. О! Ого-го...

Рыкова прослеживает мой взгляд и расплывается в довольной улыбке. Этакая акула, заметившая, нет, не добычу, но интересный объект, чтобы вокруг него покружить.

– Какой горячий молодой человек, – произносит, растягивая слова.

– Обычный, – отмахиваюсь.

– Ну-ну... обычный... – фыркает Жанка с предвкушением в голосе. – Еще пара минут такого пристального внимания, Громова, и ты у меня задымишься. Или одежда на тебе, что вероятнее. Он же пожирает тебя глазами, будто целибат год соблюдал.

На последнюю фразу чуть не давлюсь коктейлем.

Тут подруга стопроцентно тыкает пальцем в небо. У этого эксгибициониста никаких простоев в сексуальном плане точно нет. Собственными ушами слышала.

Но не озвучивать же это?

Да я сгорю со стыда! Повторно.

– Жанетт, не придумывай, – ворчу, отвернувшись от типа, вызывающего в душе бурю негодования.

Нафиг эти гляделки!

По щекам разливается румянец смущения, а ладони потеют. Что за странная реакция, понять не могу. От этого злюсь сильнее.

– Ой, лапа, он даже на свою милаху под боком не реагиру-

ет, – хмыкает Рыкова, игнорируя моё ворчание. – Как интересно... Знаешь, Нюш, а может и правильно, что ты со своим тирано-букой разведешься? Найдешь себе нормально-го мужика, горячего, а не замороженного по самое не балуй.

Повернувшись, наконец, ко мне лицом, Жанка играет бровями.

– Рыкова, тормози! – качаю головой. – Кобаль мне фиктивный развод предлагает. Наша семья останется прежней, а не... развалится.

– Прости, Нюш, но я слабо верю. Предложение Сёсёмы больше пахнет разводом в плане на дурака, а не расторжением барака как такового.

– С чего ты взяла?

Стараюсь говорить ровно, но в душе, глубоко-глубоко внутри, червячок сомнений соглашается с произнесенными вслух словами.

– Ну, не знаю... – рыжуха становится серьезной, как никогда. – Сама подумай, Ань. Вот ты бы ради карьеры отказалась от близкого человека? Поломала бы то, что строила годами?

– Нет, конечно.

– Вот и ответ, – щелкает пальцами. – А твои доводы... я могу угадать. Ты в очередной раз ему уступаешь, потому что привыкла уступать отцу. И, мне кажется, в какой-то мере, отношение к папе, прости, солнце, ты перенесла на благоверного. Только... – качает головой, явно думая о чем-то

своим, — делая его счастливым, ты забываешь о себе. Это в корне неверно. Если не будешь ценить и любить себя, он тоже перестанет это делать.

— Жанн...

Хочется сказать, что она не права. Что заблуждается на счет Кобаля, но... почему-то не говорю и меняю тему, спрашивая про терки внутри уже её семьи.

Кристинке кости перемываем недолго, поскольку потребности там остаются неизменными: помочь материально, пустить на халяву пожить в квартиру, которую Жанна сдает, устроить на работу, замолвить словечко.

— Я хренею, дорогая редакция, — качаю головой, выслушав список, который с каждым годом не изменяется, а лишь слегка корректируется. — Разве ж так можно?

Лишившись мамы, а потом отца, честное слово, я всегда завидовала тем, у кого есть надежный тыл из многочисленных родственников. Но в отношении Рыковой как не стараюсь, это не выходит.

Такая родня вызывает стойкое отторжение.

— Можно, Нюш, — хмыкает Жанна. — Они не парятся о моральной стороне. Лишь злятся, когда я пропускаю их хотелки мимо ушей.

Заигравший заводной трек не оставляет нас обоих равнодушными и, переглянувшись, дружно устремляемся к танцполу. Мы пришли не только загрузиться проблемами, но и разгрузиться. А еще отлично провести время, посмеяться,

развешаться и натанцеваться так, чтобы ножки отваливались.

Именно этот план и воплощаем в действие все последующие часы. Дружно забыв о дурном и неприятном, веселимся, обсуждаем общих знакомых, пьем коктейли, много двигаемся под зажигательную музыку и отбрыкиваемся от внимания молодых и не очень людей, желающих составить нам компанию.

В какой-то момент я смиряюсь с постоянным зудом, что пробегает мурашками по коже. Один наглый мажор (Ну а кто он еще?!) никак не дает расслабиться до конца. Следит и следит.

Нет, я не стремлюсь сталкиваться с ним взглядами специально, но... оно само так выходит. Помимо воли.

Это беспокоит и кажется неправильным. А еще...

– Привет, куколка, – сбивает с мысли нависающий надомной орангутанг, прожигая масляным взглядом.

Мужик, огромный как дом. Лет сорока, или с хвостиком. Явно страдающий одышкой. С размером ладони больше, чем мое лицо. И настолько запущенной щетиной, что понять, где она заканчивается, довольно сложно. Не удивлюсь, если в трусах.

– Как ты смотришь на то, чтобы продолжить вечер вдвоем? – выдает диво-дивное, выдыхая мне в лицо алкогольные пары.

Ничего себе заявочка. Ну да, зачем устраивать танцы с бубнами, если ему уже припекает.

Мужик, не стесняясь, дотрагивается до ширинки и поправляет...

Какое-то гадко-липкое чувство поселяется внутри, заставляя скривиться. Мерзко до жути.

Рука вздрагивает. Как не переворачиваю на себя бокал – не знаю.

– Извините, я замужем, – поднимаю ладонь демонстрируя золотой ободок, и попутно отмечаю, что еще один шкаф с антресолями нависает над Жанной.

Вот же попали. Нет, надо сматываться. Переглядываемся с подругой, понимая друг друга без слов.

– Если оно тебя стесняет – можешь снять, – озвучивают мне великодушно.

Моргаю.

Еще раз моргаю.

До чего доходят некоторые мужики, а? Реально тошнит от таких. Тоже мне, хозяин жизни. Он всё решил, а я – уже бегу и спотыкаюсь, желая ему угодить... Ага, сейчас.

– Спасибо за предложение, но оно меня не интересует.

Еле сдерживаю желание выплеснуть содержимое бокала в неприятное лицо и отклоняюсь на спинку стула как можно больше увеличивая расстояние с отвратительным типом.

– Я не обижу, лапа, – урчит боров, наклоняясь ниже.

Да что за напасть-то такая.

– Не...

– Милая, поехали домой, а? – сказочно красивый голос

заставляет вздрогнуть и обернуться, когда широкие ладони опускаются на плечи и их поглаживают. Так, будто стремятся успокоить. – Дети без тебя уснуть не могут. Санька ревет почти час, и Иришка требует маму. Смесь ей не нравится, хочет молока. Погуляли, девочки, и хватит.

У меня дергается веко. Мажор-эксгибиционист нависает сверху, серьезно заглядывая в глаза.

– Я...

Нелепость ситуации заставляет не по-детски тупить.

– Точно, Нюш, давай живее, нельзя грудничков оставлять на всю ночь на бабушек. Поехали быстрее, – ураган по имени Жанетт, поднырнув под лапой ошалевшего мужика, подсакивает ко мне и тянет за руку. – И мужу нельзя перечесть, правда, братишка?

Рыкова от души хлопает мажора по плечу и подмигивает, когда кроме нас троих этого никто не может видеть.

«Э-э-э...» и «Ага» – единственно, что получается выдать. А тем временем нам удастся выскользнуть из зала в фойе.

– С-спасибо за помощь, – выдыхаю, немного придя в себя в гардеробной, и настойчиво вытягиваю пальцы из горячей ладони.

Всё то время, пока шли, «спаситель» не отпускал мою ладонь, чем жутко смущал. И вновь будоражил кровь.

Хотя не только этим. Денис, как он представился, разговорившись с Рыковой, оказался очень высоким, широкоплечим и нереально пугающим своей разящей наповал энерге-

тикой. Этакий сгусток темперамента и мощи, облаченный в брненное тело.

Черт! Вот же меня плющит рядом с парнем. Просто наваждение какое-то!

– Я провожу до машины, – вместо того, чтобы откланяться, наш спаситель тоже забирает верхнюю одежду. – Не спорь, – добавляет, увидев, как дергаются мои губы в попытке его остановить.

– С удовольствием воспользуемся помощью настоящего джентльмена, правда, Анют? – Жанна активно не замечает наших с Денисом переглядок.

Точнее, моего бегающего взгляда и довольной ухмылки мажора.

– Тем более, на дороге так скользко, – добавляет засранка, пряча улыбку.

– Я тебе покажу, скользко, – рычу на нее тихо, думая, что новый знакомый нас не слышит.

И дергаюсь, когда затылок обжигает горячее дыхание, и тихий шепот бежит вдоль позвоночника:

– Три балла из десяти... жестокий удар по самооценке, Анечка.

Моя остросюжетная новинка **"Бракованная наследница"** <https://litnet.com/shrt/Mp8Y>

Заголовок, написанный жирным шрифтом, бьёт меня прямо в лицо, будто пощёчина.
 «БРАКОВАННАЯ НА-

СЛЕДНИЦА»
 Сердце сжимается так сильно, что я на секунду забываю, как дышать.
 Пальцы леденеют.
 Я читаю текст ниже, и каждое слово, как нож, который медленно, но неумолимо проворачивают в ране:
 «Единственная наследница владельца нефтеперерабатывающего комплекса “Кор-Групп”, Янина Королёва, отметила своё восемнадцатилетие в загородном клубе “Алмаз-Гранд” с большим размахом и... весьма непристойно.
 Красотка была замечена в компании неизвестного молодого человека – и явно не её жениха – в совершенно невменяемом состоянии и в очень пикантных сценах. Снимки вы можете видеть сами.
 К сожалению, дед Янины, Аристарх Королёв, как и жених, один из наследников “СибНефть”, Мирослав Граховский, от комментариев отказались.
 Интересно, долго ли последний останется в женихах, и что он реально думает по этому поводу?!»

Глава 5

Всю дорогу домой Жанна хитро поглядывает в мою сторону и загадочно закатывает глазки. Я же делаю вид, что не вижу ее клоунады, и неторопливо по полупустым улицам пробираюсь ко Второму Муринскому.

– Знаешь, Ньюш, – не выдерживает она, когда до пункта назначения остается около пяти минут, – первый раз в жизни наблюдала феномен северного сияния вживую.

– Ты о чем? – спрашиваю, бросая на нее мимолетный взгляд, поскольку слежу за собирающимся переключаться светофором.

– Чтобы между незнакомыми людьми настолько искрило, что стробоскопы по мощности перекрывало – это что-то нереальное.

Фыркаю.

Вот же болтушка. Порой ляпнет, так ляпнет. Хоть стой, хоть падай, хоть руль отпускай.

– Жаннусь, не говори ерунды.

Дергаю головой, отмахиваясь от полной нелепицы.

– Слушай, а вы точно раньше не были знакомы? – летит неожиданный вопрос.

Черт!

Кхекаю, давясь воздухом, и мотаю головой, пытаюсь мысленно заставить испуганное сердце вернуться из пяток в

грудную клетку.

– Нет, конечно. Откуда у меня такие знакомства? Он же мелкий еще, – тараторю, чувствуя, как загораются уши и начинают полыхать щеки.

Врать – это не по моей части. Не умею. То начинаю улыбаться, то краснеть, то нести полную чушь. И сейчас Рыкова не раскрывает мой обман лишь потому, что отвлекается, на выезжающий из ее двора автомобиль.

А я... я так и не осмеливаюсь рассказать, свидетельницей какой пикантной сцены стала несколько часов назад.

Говорю же. Испанский стыд в чистом виде. Развлекался на 18+ Дениска, а стыдно до сих пор мне.

– Этот мелкий, если что, тебя одной рукой сможет поднять, – фыркает Рыкова, провожая встречную машину прищуренным взглядом. – Ты его мускулы видела? А рост? А ширину плеч? А...

– Жа-ан-на, угомонись! Он мелкий по возрасту. Наверное, вчера только школу закончил, – пытаюсь присмирить разошедшуюся не на шутку подругу. – И ничего, что у меня есть муж? Или забыла уже?

– Не забыла. Только этот муж, – рыжая хулиганка изображает пальцами в воздухе кавычки, – почему-то странно торопится стать бывшим и при этом ссылается на дурно пахнущую причину. Молчу-молчу, – тут же хлопает ладошкой по губам, замечая мой сердитый прищур. Выдерживает пару мгновений и добавляет. – А Дениске, к слову, двадцать три.

Студент-выпускник. Так-то!

Еще и нос задирает, демонстрируя широкую улыбку. Будто ее распирает от гордости за малознакомого парня.

– Когда ты на него досье собрать успела, чудо? – уточняю, качая головой.

Жанетт – это нечто удивительное. Если ее что-то волнует, она землю носом рыть будет, но узнает всё, что ей нужно.

– Так сразу, как познакомились, – дергает плечиком.

Мол, глупость какая. Дел-то на пару минут.

– И всё же, Ньюш, скажи, а телефончик он у тебя спросил? – напоминая любопытную Варвару, хлопает ресничками Рыкова, пока я паркую автомобиль прямо возле подъезда старой пятиэтажки, в которой она живет. Благо въезд во двор здесь не перекрывается ни шлагбаумами, как в новых ЖК, ни воротами, как в центре.

Еще и губу прикусывает, замирая, заразка такая.

– Зачем? – приподнимаю бровь. Невозмутимость – наше всё.

Включаю нейтралку, откидываюсь в кресле и складываю руки на груди.

– Громова, я тебя умоляю, разыгрывай своего Сёсёму, но не подругу, которая сто лет знает тебя, как облупленную, – на Рыкову мое спокойствие не производит впечатления. – Дениска на тебя как кошка на отборную сметанку весь вечер глазел, только что усы не облизывал. И спасти подорвался, как только небритые Халки решили нас себе присвоить. Точ-

нее, не нас, а тебя, – поправляется. – А ты нервничала. Постоянно. Не-не-не, – поднимает она руку, замечая, что я открываю рот, чтобы возразить, – зуб даю, кроме меня этого никто в жизни не заметил бы, но я-то... Нюш... обижаешь...

Морщит с улыбкой нос.

Да уж, тут спорить сложно.

Мы действительно давно дружим и многое успели пройти вместе.

– Нет, Жаннусь, номер телефона он не просил, – отвечаю чистую правду. – И даже об этом не заикался.

Не то чтобы я сильно сим фактом расстроилась. Наоборот, выдохнула с облегчением. Еще не хватало мне общаться с...

Всё-всё-всё...

Забыла-забыла...

– Да мы с ним и не разговаривали практически, – добавляю, считывая удивление в зеленых глазах. – Это вы хохмили, не замолкая всю дорогу, пока мы до машины шли. Будто сто лет знакомы прежде были.

– Не были. Вот мы точно не были, – фыркает Жанна, нажимая на ручку и распахивая дверь, чтобы выйти. – А вот тебе я верю не до конца, Нютка. Знаешь почему? – подмигивает. – Когда мы топали на парковку, Денис нас вел так, будто знал, куда надо двигаться. К какому именно авто. Странно, не правда ли?

Сглатываю.

И прежде чем успеваю хоть что-то ответить, Рыкова посылает воздушный поцелуй и машет пальчиками:

– Расскажешь, когда будешь готова. И скинь смску, когда доберешься до дома.

Разворачивается и уходит.

Провожая ее взглядом, дожидаясь, когда за спиной закроется подъездная дверь, и только после этого трогаюсь с места.

За это ее и люблю.

Жанна не давит, не настаивает, но подмечает мелочи, что говорит об ее заинтересованности и сопереживании.

А я... я не очень-то уверена, что вообще созрею до обсуждения вопросов, связанных с любителем секса в машине. Да и зачем, если мы с ним больше никогда не пересечемся?

В клуб мы теперь точно долго не пойдем. А если вновь навлострим лыжи развеяться, то я обязательно настою на другом месте.

Процент же вероятности пересечься в Питере с конкретным человеком без предварительного согласования –равняется практически нулю.

Убеждаю себя всю дорогу, пока по «зеленой» лечу в сторону дома.

И каково же становится моё удивление, когда в понедельник после обеда в офис приезжает муж. Не один. А с тремя студентами-дипломниками.

– Знакомьтесь, – произносит Семён в своей привычной

манере говорить четко и лаконично. – Громова Анна Сергеевна, генеральный директор ООО «ЭкоСтройДизайн», – показывает на меня. – А это выпускники, которые будут проходить в нашей организации практику, – разворачивается к девушке и двум парням. – Савина Эльвира, Нестеров Константин и Горин Денис.

Денис...

Боже ж ты мой... вот это задни... засада.

Полный попадос.

Кажется, земля под ногами начинает ходить ходуном, когда я встречаюсь с ясными серо-голубыми глазами, в которых прыгают чертята. Хотя какие там чертята, жирные откормленные черти с хвостами и рожками.

Вероятность встречи ноль процентов – я так, помнится, утверждала?

Была неправа.

Сильно.

Охаю мысленно, в это же время растягивая на губах профессиональную улыбку.

– Добро пожаловать. Надеюсь время, которое вы проведете в нашем дружном коллективе, будет потрачено с пользой и поможет вам в реализации планов и достижении поставленных целей, – произношу какую-то чушь, не особо вникая в слова.

– Непременно, Анна Сергеевна.

Завораживающий легкой хрипотцой голос Дениса пуши-

стой кисточкой пробегает от шеи вниз по позвоночнику.

Вот же напасть. Да он мне все нервы чайной ложкой сожрет за эти месяцы.

Стону мысленно. Внешне же остаюсь невозмутимой. Опыт не пропьешь.

– Рада знакомству, Анна Сергеевна, – Эльвира Савина широко улыбается, хлопая длинными наращёнными ресницами.

А меня на секунду парализует.

Это не просто попадос.

Это самый настоящий серенький пушной зверёк. Тот, который песец.

Элю я тоже узнаю... по пятнице.

Точнее по голосу, который слышала в пятницу... ну понято же в какую именно.

– Взаимно, – улыбаюсь девушке резиновой улыбкой, боясь увидеть в ее глазах ответное узнавание.

Но та уже от меня отворачивается и переводит все внимание на изучение кабинета.

Выдыхаю, когда за всеми четверыми захлопывается дверь.

Глава 6

– Семён Семёнович, я отойду ненадолго, – пробегаюсь пальцами по запястью мужа и, улыбнувшись Галине, нашему главному бухгалтеру, и Глебу из отдела закупок, поднимаюсь из-за стола.

Мне требуется минутка тишины и чашка кофе, чтобы вновь заставить мозг работать. Два часа кряду обсуждать по десятому кругу цифры по коммерческим предложениям и сравнивать их с теми, что нас устроят, пытаюсь миксовать заказы, дело жутко нудное.

Еще и голова болит. Надеюсь, любимый эспрессо поможет справиться с мигренью, потому что таблетка обезболивающего свою миссию провалила. Боже, с каким бы удовольствием я провела эту пару часов в ванной или за планшетом вдали от множества документов, изобилующих цифрами-цифрами-цифрами, и жужжания разговоров. Но у Семёна прямо-таки пунктик, чтобы я непременно участвовала во всех вопросах, пусть в итоге окончательное решение останется за ним. Кому, как не финансовому директору надлежит разбираться во всём досконально, я же позже просто согласую.

Не представляю, как папа с этим так легко справлялся. Неверное, потому что это дело ему по-настоящему нравилось. Я же пусть и возглавляю компанию, заняв должность

генерального, чувствую – не моё.

Наружный дизайн, внутренний, планировки и перепланировки – это да. Увлекательно, вкусно, нисколько не скучно. Управлять же огромной фирмой, рисковать и просчитывать всё, вплоть до мелочей, нести сумасшедшую ответственность и держать в голове десятки важных моментов – слишком сложно и нервно.

Я не настолько хитрая и коммуникабельная, чтобы слету просчитывать контрагентов, находить к ним идеально верный подход и не позволять садиться себе на шею, диктуя правила. Я – не акула бизнеса. Скорее ведомая, чем лидер в треуголке и с шашкой наголо.

– Осталось всего полчаса, Анна. Только же наметили приоритеты, – недовольно вонзается мне между лопаток.

Не оборачиваюсь и продолжаю идти.

Семён обожает всё держать под контролем, включая количество выпитых мною чашек кофе и походов в туалет. Я почти с этим смирилась, хотя первое время готова была лезть на стенку. По часу распиналась об обоюдном уважении и границах, пока не поняла: без толку, он не прошибаем. У большинства людей имеется кнопка переключения с рабочего режима на личный, у моего мужа ее нет. Вернее, она есть, но почти не задействована. Пользоваться ей он предпочитает в исключительных случаях. Как тот, когда было озвучено желание развестись.

Ага, я не оговорила. Именно желание. Его. Предложе-

нием тот поступок назвать невозможно хотя бы потому, что все мои доводы он смял еще до их произнесения вслух.

Так что счет у нас с Кобалем равный. Он пытается мной управлять как одним из своих подчиненных, порой забывая, что наши роли не ограничиваются офисом, да и в нём слегка претерпели изменения, а я его попытки вежливо игнорирую.

Так, где там мой любимый напиток?

Прежде чем пойти в закуток, оборудованный для офис-сотрудников зоной отдыха и мини-кухней, заворачиваю в свой старый кабинет, который так и не променяла на отцовский, большой и просторный. Не смогла сесть в родительское кресло. И подхватываю большую, миллилитров на четыреста, керамическую чашку. Не люблю пить кофе из бумажных стаканчиков. Тот момент, когда губы касаются шероховатой бумаги, по моему неавторитетному мнению, сильно портит терпкий вкус и мгновенно его обесценивает.

С ярко-красной тарой в руках приближаюсь к нужному отсеку и надавливаю ладонью на дверь, предвкушая с минуты на минуту вкусить ароматный глоток арабики и насладиться тишиной. Переступаю порог и тотчас ощущаю разочарование.

Я здесь не одна. Углубившись в распахнутые створки шкафа, где хранятся разные мелочи, как коробки с чаем, сахар, салфетки, одноразовая посуда, кто-то стоит.

Черт. Ну не уходить же теперь?

– Не возражаете, если присоединюсь? — спрашиваю из

вежливости, пока вышагиваю к намеченной цели – кофеварочной машине, установленной в дальнем правом углу.

Дверь шкафа неспешно закрывается, человек неспешно поворачивается. Но я уже и так понимаю, кого увижу через секунду, потому что энергетика пространства моментально накаляется.

Денис Горин.

Милое совпадение.

А мы ведь отлично почти всю неделю не пересекались. Я специально распланировала рабочее время таким образом, чтобы в первую половину дня, пока дипломники в офисе, быть либо на объектах, либо максимально занятой.

И на тебе, прокололась.

– Совсем не возражаю, Анна... Сергеевна, – задумчиво изрекает он, оглядывая меня с ног до головы. – Буду даже рад.

Пауза, которую Денис устанавливает перед тем как произнести моё отчество, кажется настолько глубокой, что, только почувствовав, как не хватает воздуха, соображаю: я задерживала дыхание.

Вот же ж... будто школьница перед студентом, а не наоборот.

В своё оправдание могу сказать только одно: со мной подобное происходит впервые. Ни на кого до встречи с Гориным я не реагировала подобным образом, включая мужа.

Отсюда и теряюсь.

Не планируя продолжать беседу, подхожу к аппарату и сразу отворачиваюсь. Нажимаю кнопку «старт» на кофеварке и замираю, мысленно подгоняя секунды. Абстрагироваться не получается. Мешает мужской взгляд.

Я его не вижу, но чувствую каждой клеточкой тела. Как он неспешно скользит, изучает, касается... Точно так же, как в клубе.

Спина напрягается сама собой, ладони влажнеют, а шея... Господи, мне кажется, будто ее клинит.

«Да промывайся ты уже быстрее!» – мысленно подгоняю систему, с урчанием пропускающую чистую воду через фильтры.

Загоревшиеся два красных индикатора заставляют сжать зубы. Непредвиденная задержка в комнате отдыха беспокоит. Точнее, волнует студент, стоящий где-то сзади и, судя по тишине, не планирующий уходить.

Операции, которые просит выполнить техника перед приготовлением напитка, давно знакомы и не вызывают паники. Нужно очистить резервуар от переработки и досыпать новых зерен в опустевший контейнер. С первым справляюсь легко, со вторым тоже не вижу сложностей, пока не понимаю, что какой-то умник убрал пакет с зернами не на привычное место на нижней полке подвесного шкафа, а на верхнюю.

Черт!

Привстав на носочки, вытягиваюсь в струнку, вскользь касаюсь плотной блестящей упаковки, шкрябаю по ней ногой.

ками, но подцепить как на зло не могу.

Что за хрень? Ну не подпрыгивать же?

Резко выдохнув, упираюсь одной ладонью в столешницу и предпринимаю вторую попытку. Не без раздражения чувствую на себе внимание Горина, который сейчас наверняка с улыбкой наблюдает за моими бесполезными потугами, и от этого начинаю злиться.

– Черт, – шепотом ругаюсь, когда в очередной раз пальцы соскальзывают, не успевая зацепиться.

И замираю, забывая дышать, когда сзади накрывает тень, а в следующую секунду к спине прижимается горячее крупное тело.

Почему горячее?

Да потому, что вдоль позвоночника мгновенно проносится жаркая дорожка. Меня окутывает легкая, на грани слышимости ментоловая дымка с нотками мяты. Теплое дыхание Дениса касается виска, его рука по-хозяйски обнимает, ладонь скользит по животу, не то не позволяя дернуться в сторону, не то придерживая, будто я могу упасть, а вторая легко дотягивается до пакета с арабикой.

И всё это происходит так тягуче-неспешно, что я успеваю прочувствовать каждую секунду в объятиях этого невозможного нахала.

Или это только моё заблуждение, потому что в следующую минуту меня уже никто не трогает?

– Можно было просто встать рядом, – произношу хрип-

ловатым голосом, не спеша обращаться.

Горло стягивает спазм, а тело слегка потряхивает от перенапряжения. Зато головная боль отступает. Я ее больше не чувствую, варясь в иных переживаниях.

– Можно было просто попросить помочь тебе, – слышится тягучий голос совсем близко. Примерно в метре от меня.

Глубоко вздохнув, оборачиваюсь. Чего уж теперь?

Выгоревшая прядь темно-русых волос, нависающая над серо-голубыми глазами, на левом виске выбрит какой-то кельтский символ, а может, просто загогулина, крупный, четко очерченный рот, гладкая, будто лаковая кожа. Я почти близка к тому, чтобы завистливо вздохнуть. Такая кожа бывает только у двадцатилетних, и то не у всех. Лишь кому повезло с генетикой.

То, что Горин высокий и спортивный, я заметила еще в пятницу, а сейчас, когда расстояние между нами составляет меньше полуметра, убеждаюсь повторно. Ему стоит сделать всего какой-то полушаг, чтобы случилось вторжение в зону поцелуев.

Господи! О чем я только думаю?!

Даю себе мысленную затрещину и, наверное, оттого выпаливаю резче, чем следует:

– Я могла бы сама.

Вскидываю подбородок и натыкаюсь на ехидную улыбку.

– Мне было нетрудно... Или ты из тех женщин, кто всё и всегда стремится делать самостоятельно? – серо-голубые

глаза смотрят в мои с интересом.

Волна жара опалает щеки. Виной всему стеснение впере­мешку с возмущением, что за пару предложений студент умудряется перейти на «ты» и начать задавать личные во­просы.

– Денис, послушай... – набираю полные легкие воздуха, чтобы поставить наглеца на место, но он меня перебивает.

– Сказать «спасибо» было бы вполне достаточно, – заяв­ляет серьезно.

Вопросительно поднимает бровь и ободряюще дергает уголком рта, будто спрашивая: ну и что, струсишь?

Покрепче сжимаю чертов пакет с кофе и заталкиваю воз­мущение поглубже внутрь. И ведь правда, ну чего, спраши­вается, разошлась? Парень помог и просит его поблагода­рить.

Это нормально? Вполне.

Только вот его хитро-наглые глаза с уже знакомыми чер­тами откровенно надо мной насмежаются и так и подначива­ют продолжить сопротивление.

Не поддаюсь.

– Спасибо, – произношу одно единственное слово и пони­маю, что к удивлению земля не разверзается под ногами, а мой собеседник становится серьезным.

– Всегда пожалуйста, Анна... Сергеевна, – проговаривает он ровно, а затем, не дожидаясь от меня реакции, развора­чивается и уходит.

Глава 7

В пятницу Семён неожиданно устраивает мне сюрприз. Приглашает на ужин в недавно открывшийся панорамный ресторан.

– Забронировал столик на восемь вечера, – произносит он в трубку после коротких приветствий. – По рекламе обещают роскошный вид на дельту малой Невы и Финский залив. Всё, как ты любишь.

– Звучит здорово, – улыбаюсь, предвкушая прекрасный вечер вдвоем, который непременно оживит наши сплошные рабочие будни.

– Вот и хорошо. Будь готова к половине восьмого. Как подъеду, наберу, – следуют четкие инструкции. А на вопрос: «Ты разве сегодня допоздна?» звучит уверенное, – у меня еще дела в университете. Нужно у одного студента принять зачет.

– Только сильно бедолагу не заваливай, – хмыкаю, улавливая в голосе супруга предвкушающие нотки.

Кобаль – педант во всем, а еще безумно дотошный преподаватель, который терпеть не может прогульщиков и тех, кто относится к его предмету несерьезно. Никому не прощает учебы спустя рукава и строго спрашивает за все косяки.

– Заваливать, – Сёма катает на языке произнесенное мною слово, – интересная идея. Ладно, Нюсь, опаздываю. В об-

щем, буду в половине восьмого и... не звони мне, чтобы не отвлекать.

– Конечно, – посылаю воздушный поцелуй, нисколько не удивляясь просьбе.

Сама не люблю, когда посреди творческого процесса кто-то вмешивается и сбивает с мыслей. Так же и Семён, когда занимается студентами.

Ресторан производит приятное впечатление. Расположенный в самом сердце Крестовского острова на побережье Финского залива, он радует лаконичным дизайном, просторным залом, уединенностью столиков друг от друга и прекрасной кухней.

Настроение же портит совсем иное.

– Нюр, ты же помнишь, что завтра у родителей годовщина свадьбы? – спрашивает супруг таким тоном, который подразумевает лишь положительный ответ.

Мы уже закончили с горячими блюдами и перешли к десертам. Я – ледяному сладкому лакомству, а Семён к трайфлу с миндалем и смородиной.

Шутит?

Отвлекаюсь от мороженого и ловлю прямой взгляд Семёна. Ну, конечно же, нет. Совершенно серьезен. Когда дело касается Татьяны Александровны и ее желаний, единственный сын и наследник готов идти по головам, только бы доставить маменьке удовольствие.

– Прости, забыла, – произношу, откладывая чайную лож-

ку и отодвигая креманку к центру стола.

Доесть уже не выйдет, «приятная» новость напрочь отбивает аппетит.

– Мама арендовала зал в «Наполи», – радуется меня... нещадно. – Нас ждут к шести.

Семён делает глоток минеральной воды, которую тянет весь вечер, в отличие от меня, выбравшей бокал красного полусухого, и, наклонив голову вбок, скользит по лицу изучающим взглядом.

Чувствует, что киплю. И в то же время отлично понимает, скандал в культурном месте закатывать не стану.

Так он специально решил выбраться в люди. Не чтобы меня развеять и вместе провести время, а чтобы минимизировать обсуждение скользкой темы. Доходит до мозга малоприятная истина.

– А разве на торжественные мероприятия не принято приглашать заранее, чтобы гости могли подготовиться? – произношу ровно, сжимая под столом ладошку в кулак и про себя добавляя: «... и отказаться».

– Мы – не гости, Нюс, а семья, – поправляет меня Кобаль. Ты – семья, не я. Вновь не озвучиваю истину, которую мы оба знаем.

Я – нелюбимая невестка Татьяны Александровны, потому что... слишком независима, не умею выполнять пожелания госпожи Кобаль по первому требованию, не правильно забочусь о ее обожаемом сыне, не тороплюсь идти в декрет и...

нахалка такая!.. не назначаю Сёмушку генеральным директором папиной фирмы.

– А подарок как же? – цепляюсь за соломинку.

– Мамуля хочет поехать в Прагу, Вену, Будапешт. Я оплатил им с папой тур на три недели. Пусть немного развеются.

– Неплохо, – соглашаюсь, особенно в сочетании слов «три недели» и «немного».

Мне, помнится, выделяли на отдых три дня.

Три, что б его совесть замучила, дня в первый год совместной жизни.

«Нюсечка, по дню на каждую столицу – этого же вполне достаточно», – с улыбкой заявил мне мой разлюбезный супруг, когда я попросила погулять по Европе неделю.

Вот же...

– Родители у нас одни, – считывая моё возмущение, припечатывает строгим тоном Семён, – и естественно жалеть на них деньги мы не будем.

Вновь впивается немигающим взглядом, заставляя успокоиться.

– Конечно, – опускаю взгляд и киваю.

На празднество я еду, как полагается, вместе с мужем и «хорошим» настроением. Последнее выражается в маске легкой радости, насильно нацепленной на лицо, и в греющей душу маленькой каверзе.

Зная, как Татьяна Александровна обожает классику и пла-

тъя, специально надеваю рыжие джогтеры карго со стропами, и белую укороченную водолазку. Рисую смоки-айс и закалываю волосы в высокий гладкий хвост.

Ах да, и никаких шпилек! Гриндерсы – наше всё.

И нет, я – не стерва, я лишь та, кем меня постоянно пытаются выставить.

– Анна, это неподходящий наряд.

Перед выходом из квартиры Семен предпринимает попытку заставить меня одуматься, за что получает вздернутый подбородок и уверенное заявление:

– Нужно было предупреждать заранее, я бы подготовилась. А так... – широко улыбаюсь и развожу лапки в стороны, – надеть нечего.

– У тебя же куча платьев.

– Черное в химчистке, красное тоже, бежевое испачкано, для белого не сезон.

Тараторю без запинок. Я даже постаралась сделать так, чтобы комар носа не подточил.

– А зеленое? – качая головой, уточняет супруг.

Пожимаю плечиком.

– Разошлось по шву на плече. Показать? – вскидываю бровь.

– Ань, – выдыхает благоверный, понимая, что в вопросе одежды спорить бесполезно, как и с тем, что я сама поведу машину. – И от бокала за здоровьем моих родных откажешься выпить?

– Поверь, кроме тебя всем остальным на это будет наться.

В общем-то, так и выходит.

Свекровь играет радушную хозяйку и идеальную «мамочку» первые полчаса, ну а потом веселье съезжает в уже привычную колею, особенно ударными темпами в те моменты, когда Семён выходит пообщаться с мужчинами, оставляя меня одну.

– Анна, надеюсь, в офисе ты ходишь в не настолько вульгарном виде? Иначе никакие потуги Сёмушки не удержат нашу фирму на плаву.

Нашу фирму... миленько... Маман Татьяна уже всё присвоила.

– Не переживайте, пирсинг в животе я никому кроме мужа не демонстрирую.

...

– Ты только не обижайся, Аннушка, но я могу одолжить тебе несколько нарядов, ну, чтобы ты могла ориентироваться на правильные вещи, когда будешь тратить деньги из семейного бюджета.

Ах ты ж... стерва меркантильная.

– Боюсь, что люрекс и бархат меня будут полнить. Но я найду, куда их пристроить.

...

– Анна, ты, конечно, и так уже не молодая, но вот эти глаза, как у панды, тебя ужасно старят. Может, умоешься?

Мегера завистливая.

– К сожалению, не выйдет. Это новый вид татуажа. Смоется сам через три месяца, – несу чушь, только бы не молчать, глядя в наглые зеньки «родственницы».

...

– Анна, я заметила, ты не пьешь? Неужели нам ждать внука?

– Нет, я сегодня за рулем.

– Снова твои придумки про таксистов. Сходи к врачам, пусть помогут с головой. И заодно проверься по-женски... Ну, это же ненормально – три года пустоцветом прозябать.

Мерзкая гадюка, сцеживающая яд...

Обязательно побегу рожать, как только разведусь. Ага!

....

И, как вишенка на торте, к гостям, но так, чтобы слышала и я:

– Сёмушка, умничка мой, нам с отцом подарок сделал – путевки купил на целый месяц за границу. А от невестки... даже открытки не дождалась... И так каждый раз... каждый раз...

Я спокойная.

Я спокойная!

Я спокойная!!!

А вечером подвыпивший супруг, науськанный мамашей, что жена его не любит и не ценит, предпринимает попытку

заделать мне ребенка.

– Ньюшка, мама права, иди ко мне.

– Сём, ты не трезвый. Давай не сегодня, – отмахиваюсь и тянусь за планшетом.

Но стоит только отвернуться, как Кобаль изворачивается и подминает меня под себя.

– Не дразни. Ждать твоей милости я не буду, – тянет за пояс халата и сдергивает тот с меня.

– Сёма!!!

– Рано, милая, погоди. Сейчас мы оба... покричим, – обещает супруг, силой раздвигая мне ноги.

– Что ты делаешь, Сёма?! – пытаюсь выкрутиться, но судя по его реакции, только раззадориваю сильнее. – Прекрати!!

Муж лишь усмехается и крепче сжимает мои запястья. Наклоняется, пытаюсь поцеловать, но наткнувшись на мои стиснутые зубы, чуть отстраняется:

– Хочешь больно?

Его шепот дрожью проходит вдоль позвоночника. Вот только звучит в нем пугающее предвкушение.

– Пусти!!! – рычу, пытаюсь извернуться и сбежать.

...

В эту ночь все происходит не так, как всегда. Кобаль словно использует меня по назначению, не особо считаясь с желаниями и мнением. Ощущение от происходящего не только не возбуждает, а вызывает оторопь.

Понимает ли супруг, что делает? Или это играет в крови

алкоголь?

Уверена – понимает. Не может не понимать!

Он меня ломает и собирает обратно. Как неживую куклу. Да, вначале пытается довести до оргазма, а когда улавливает, что не может, наслаждается в одиночку.

Это не просто ранит. Лупит наотмашь.

Сила мужчины против слабости женщины.

После всего я еще долго лежу, глядя в темную пустоту, и не знаю, что делать. Случившееся растаптывает моё самолюбие. Иначе как насилием назвать происходящее не поворачивается язык. А мысли, бешеными белками бегают от вопроса: «Куда подевался мой добрый и понимающий супруг?» до: «Развод неминуем в любом случае».

Глава 8

– Вот же сволота!

– Жанн...

– Говнюк навозный!

– Жаннусик...

– Козел безрогий!

– Рыкова!

– Мерзавец! Подлец! Смерд безрогий!

– Безрогий уже был, – хмыкаю и делаю большой глоток красного сухого из уже полупустого бокала. Второго за вечер.

Мы сидим с Жанетт на кухне в ее трешке, доставшейся от родного отца, той самой квартире, которая не дает покоя ее мамашке и сводной сестрице, и наслаждаемся тем, что перемываем кости «моей» родне.

А еще пьем Эмилио Моро и едим сыр с нектаринами.

Вкусно всё. И «вода», и еда. Но, главное, душа отдыхает, что особенно мне требуется после вчерашней выходки мужа.

– Во-о-от мало был! – рычит подружка и стучает ладошкой по столу. – Надо, чтобы много и основательно! Ишь ты, чертов маменькин сынок! Путевку он заграничную своей Грымзе Александровне купил, нет бы намордник на гнилой рот. Нет, я одного не понимаю, Сёсёма что? Реально дурак? Он не догоняет, что его мамаша, тьфу-тьфу-тьфу, не к ночи

нечисть будет упомянута, тебя третирует каждый раз, как вы пересекаетесь?

– Она успевает сделать это в те моменты, когда он отсутствует, – озвучиваю уже ни раз обсуждаемый момент.

– А при нем?

– А при нем всё сводится к тому, что я – грубиянка и невоспитанная девка, не уважающая старость... – хлопаю себя по губам и качаю головой, хихикая, – я хотела сказать зрелость. Татьяна Александровна дико бесится, когда я намекаю на ее возраст.

– Ну да, конечно, никто ж не замечает, как она профессионально «песком дорожки посыпает». Или думает, что красная помада на узких змеиных губах её круто молодит? Кстати, она не поменяла эту свою жуткую алую зарю на что-то менее ядреное?

– Не-а, – мотаю головой, – всё та же. Матовая.

– А контур бордовым карандашом обводит?

– Угу, – киваю, отправляя оливку с лимоном в рот.

– Же-е-есть, – выдыхает Жанетт.

– Ага-а.

Дружно переглядываемся, одновременно кривим губы, изображая куриные гузки, и спустя секунду прыскаем, давась смехом.

Господи, как хорошо, когда есть такие подруги, понимающие тебя с полувзгляда, как моя Жаннуська.

– Кстати, – вдруг прищуривается Рыкова. – Нюш, а ска-

жи-ка, солнце, у вас с Сёсёмушкой всё в порядке?

Замираю на мгновение, залипая взглядом в одной точке. Потом резко смаргиваю наваждение и растягиваю губы в улыбке.

– Вроде, да. А в чем дело?

Сжимаю ладонь под столом, чтобы не дрожала.

– Ты сегодня странная, – делится подружка наблюдениями. – Я по твоему благоверному и вкривь и вкось потопталась, а ты не только не бросилась его защищать, как всегда до этого делала, а даже поддакиваешь.

– М-да? – морщу нос и отпиваю еще один глоток. – Ну, будем считать, что это ему месть... – «...за скотское поведение», – произношу мысленно, в слух же иное, – за то, что маму ценит больше, чем жену.

– А вот и правильно, Нюш! Нельзя себя в обиду давать, иначе сядут и поедут, свесив ножки. Совсем ценить перестанут, а пользоваться станут по полной. Будто ты им по жизни должна.

Не сомневаюсь, что Жанна сейчас не только мою ситуацию имеет ввиду, но и свою собственную. Однако словами попадает точно в цель, заставляя прикусить изнутри щеку, чтобы не ляпнуть ничего лишнего.

Очень хочется раскрыть душу перед единственным близким человечком.

Довериться, пожаловаться...

... но нельзя.

Жанна и так Семёна еле терпит, чтобы меня не расстраивать, а если узнает про его ночной поступок... то не сдержится, или за фаберже на дереве подвесит, или сразу оскопит, чтоб не мучился.

Потому и рассказываю ей только про «небольшой» праздник на тридцать человек, организованный Татьяной Александровной, и «милые» попытки свекрови показать, что я – последняя женщина на земле, которую она хотела бы видеть супругой своего обожаемого сыночка.

– Кажется, единственный плюс, который не позволяет мадам Кобаль совсем уж в открытую вести со мной конфронтацию, – озвучиваю давно оформившуюся в голове мысль, – это фирма папы. Лакомый кусочек, обеспечивающий финансовую стабильность не только нашей с ее сыном семье, но и ей с мужем.

– А ты своему так ничего не говорила, о том, что узнала?
– спрашивает Жанна.

– Нет. Не хочется накалять.

– А может, зря?

– Не знаю, Жаннусь, – дергаю плечами.

Да, как бы Семён не старался умалчивать о том, что фактически содержит и обеспечивает хотелки родителей, мне об этом чуть больше года назад стало известно. Случайно увидела у папы на столе бумаги. Кажется, он собирал на моего мужа досье. Но когда я через некоторое время задала вопрос: «Для этого есть основания?», он улыбнулся, поцеловал ме-

ня в висок и сказал, чтобы я ни о чем не волновалась. Мол, квартира с улучшенной планировкой в двести квадратов в новом элитном ЖК, купленная для родителей Семена взамен старой сталинской двушки, и дача, построенная за год в Сосновом Бору, двухэтажный коттедж на четыреста квадратов на сорока сотках земли, – всё это потом всё равно внукам достанется, чего уж ругаться.

– И всё-таки Сёсёма – болван. Такое сокровище, как ты, ценить и любить надо. А еще баловать, – фыркает Жанна, протягивая бокал, чтобы соприкоснуться с моим.

Баловать...

Чуть на закашливаюсь, когда вино попадает не в то горло. В отношении супруга вышеобозначенное слово, наверное, теперь всегда будет горчить на языке.

А всё потому, что разбудил меня супруг не совсем тривиальным способом.

Началось с того, что меня потревожило сползающее с живота одеяло. А после Семен, раздвинув мои ноги, устроился между ними и провел носом от пупка вниз.

– Доброе утро, – прошептал в сокровенное место.

Вздрогнула и, рассеянно хлопая ресницами, попыталась понять, что происходит.

А затем услышала:

– Тш-ш-ш... расслабься, Анют, я с извинениями... Искренними и глубокими...

И бесстыдно облизал два пальца...

Да, довести до оргазма он меня смог, но... всё это не отменило того, что расслабилось тело, не мозг.

И, кажется, это было первое утро, когда меня съедала скованность, и я отводила взгляд, чтобы не пересекаться глазами с мужем. Не из-за смущения. Ночное соло благоверного из памяти не испарилось. Он же, кажется, был доволен, что меня «побаловал», словно не понял, что его попытка наладить то, что поломал, не совсем удалась.

И всё же кое-чем другим он меня порадовал. А именно тем, что напомнил об отъезде на двухнедельные курсы профессиональной переподготовки, организованные в учебном центре в Москве.

Только когда за Кобалем закрылась входная дверь, смогла шумно выдохнуть и, плюхнувшись в кресло, расслабиться. А после, созвонившись с подружкой и зарулив в универмаг за вкусняшками, поехала к Жанне. В дом, стены которого не давят, и где меня от души рады видеть в любое время суток.

– Ты же останешься у меня ночевать? – подмигивает Рыкова, разливая остатки напитка по бокалам. – Не сорвешься в ночь?

– Конечно, нет. Я тебе даже про Горина расскажу, – поднимаю руку ладонью вверх, будто даю присягу.

А почему нет?

Переключиться с плохих мыслей на что-то позитивное будет очень кстати.

А уж если у Дениса слишком сильно будут гореть щеки

или уши от наших обсуждений, так сам виноват. Нечего на парковках устраивать развлечения ниже пояса.

– Про кого?

Подруга непонимающе хлопает ресницами, а я вспоминаю, что фамилии она не знает. Горин при знакомстве только имя называл.

– Ну, того парня из клуба, которого ты братишкой величала.

– И от которого у тебя двое детей? – хихикает подруга, мгновенно ориентируясь. – Саша и Иришка, кажется, да?

Фыркаю, но киваю.

Да, именно так.

Что ж, готовься, Горин, я созрела поведать все твои грязные секретки.

Глава 9

В тот вечер мы сидим с Жанной почти до двух ночи. Я выполняю обещание и раскрываю подруге секрет своего странного переглядывания с Денисом в клубе. Объясняю, что это не я сама по себе так ему понравилась, а моя фраза про «три из десяти» зацепила его мужскую гордость.

Красное сухое в организме позволяет без стеснения называть всё своими именами и в красках описать все пятнадцать минут позора, пережитые мною под камерой видеонаблюдения.

Ржем так, что стены дрожат. Но вместе с тем я выплескиваю и нервное напряжение.

Про то, откуда мне стала известна фамилия Горина, тоже повествую, как и про Элю, которую опознала по голосу. Да, попадос конкретный, хорошо, что та меня не вспомнила.

В общем, по Горину мы проходимся и вдоль, и поперек, и даже зигзагом.

А что поделать? Сам напросился.

Проснувшись в восемь утра и пробравшись на кухню, застаю Жанну уже тоже на ногах. Оказывается, смехотерапия творит чудеса. Несмотря на то, что легли поздно, обе чувствуем себя бодрыми и выспавшимися. И, что немаловажно, никакой головной боли или сухости во рту. Отличное начало недели.

Позавтракав у подруги, быстро собираюсь и еду домой. Рабочий понедельник никто не отменял. Добираюсь вовремя, потратив на пробки всего пятнадцать минут. А войдя в квартиру, вдруг вдыхаю воздух полной грудью, осматриваюсь с таким видом, будто отсутствовала не одну ночь, а как минимум месяц, и понимаю, что... я не чувствую пустоты, когда родного человека нет рядом. Это я про супруга.

Мне без него комфортно в пустом жилище.

Странно, но, подвыпив в субботу, Семён будто раскрылся с другой стороны, показал себя иного, того, кого я раньше не знала, того, кто прятался в тени и не выходил наружу, чтобы не пугать, но тут не утерпел.

Он меня устрасил.

Не зря говорят, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Но ведь это могут быть не обязательно слова. Действия тоже вполне подходят под пословицу.

Кобаль раскрылся не в разговоре, а в поступке, мерзком и злом. В котором я не увидела уважения к себе, лишь желание наказать и удовлетворить свои потребности за мой счет. Будто я бездушная кукла, которая должна терпеть и улаживать своего господина по первому его требованию. И то, что было следующим утром... его попытка загладить вину...

Наверное, я неправильная. Но меня она не расслабила, не подарила моральный комфорт. Не вернула нас в прежнее уютное сосуществование в одной плоскости. Барьер, воздвигнутый за ночь, никуда не делся.

Последующие две недели, в которые супруг отсутствует, я испытываю тихую радость, что его нет. Я не скучаю.

Странно, но факт.

Перестав стрессовать, все равно не испытываю потребности набрать его первой или написать сообщение, чтобы поделиться новостями, касающимися фирмы, или просто поинтересоваться делами.

Однако, забыть о нем не выходит по другой причине. Он сам не позволяет.

Кобаль, как чувствует охлаждение, постоянно о себе напоминает. Названивает и закидывает смсками, рассказывая, чем занимается, что скучает и непременно привезет подарок.

Первые дни отвечаю на одно сообщение из трех. Звонки принимаю, но больше молчу и слушаю. На прямые вопросы даю односложные ответы.

Жизнь вообще становится какой-то другой. Или меняется мое отношение к ней, не понимаю. Будто цвета приглушаются, из ярких превращаются в блеклые и «застиранные».

Единственное, что выбивает из пребывания в анабиозе, Горин. Его взгляд я впитываю в себя помимо воли, где бы не пересекались. Даже на парковке, находясь в разных концах обширной территории, я умудряюсь почувствовать его присутствие, а, обернувшись, удостовериться, что мои ощущения не были ошибкой. Смотрит.

То же самое и с его голосом. Меня основательно проши-

вает током, когда я слышу Дениса, пусть мы и присутствуем в этот момент в смежных кабинетах. Мурашки толпой несутся по позвоночнику, стоит услышать удивительно красивый тембр, действующий на меня похлеще афродизиаков.

Радуюсь одному: все три встречи, которые у нас случаются, происходят не наедине. Дважды пересекаемся в переговорной, но рядом с ним в те моменты находится Эля, вцепившаяся в его локоть так, словно боится, что Горин сбежит. Один раз я захожу к заму Кобаля, чтобы уточнить цифры по не дающему покоя договору, и натыкаюсь на всю троицу дипломников, получающих ЦУ от их временного куратора.

Здороваются студенты все, я им киваю, но только от взгляда и голоса одного почти забываю, зачем заходила.

Семен возвращается из командировки третьего февраля. Приезжает домой с цветами под мышкой и коробкой капкейков, украшенных сливочно-творожным кремом и свежими клубникой и ежевикой.

– Анют, я скучал, – заявляет с порога и тянется поцеловать в губы.

Меня же с головой накрывает странное чувство неправильности. Будто это не мой муж, а чужой человек нарушает личностные границы. Посторонний мужчина. Тот, от кого я всего за каких-то четырнадцать дней умудряюсь отвыкнуть.

– Привет, – в последний момент успеваю повернуть голову, и теплые губы мажут по краешку рта и щеке. – Спасибо, очень мило. Обожаю эти пирожные.

– Рад, что угадал, – Кобаль прожигает меня внимательным взглядом темных глаз, легко улавливая прохладу, но, к счастью, мой маневр никак не берется комментировать.

Впрочем, чтобы его уколоть, мне хватает и другого.

– Да, твоя Ольга Павловна – настоящее сокровище, прекрасно знает мои вкусы, – хмыкаю, разворачиваясь и направляясь в сторону кухни, чтобы поставить пирожные на стол и включить чайник.

Как говорится: война войной, а обед – по расписанию.

От сладостей я не откажусь по-любому.

– Чернакова не имеет к подаркам никакого отношения, Аня, это... я купил сам, – молчит с минуту и тише добавляет.
– Заезжал на Шкапина в «Дейзи Кейк».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.